
Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров

**ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ**

Одной из главных особенностей современного состояния этнографической науки является стремление выявить общие закономерности в культурно-бытовом многообразии различных народов, установить исторические корни сходства и различия в образе жизни, проследить ряды однопорядковых явлений, проходящих как бы «сквозь» различные народные культуры в тесной связи с изменениями экономического, социально-бытового, культурного и экологического характера¹. Две родственные исторические науки — этнография (исследующая культурно-бытовые особенности всех народов мира в их историческом развитии) и археология (изучающая вещественные исторические источники — остатки материальной культуры), дополняя друг друга, позволяют реконструировать хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов, проследить путь развития культурных явлений, установить важнейшие формационные этапы исторического процесса, коренные изменения в развитии производительных сил и устройстве общества. Этнография и археология являются как бы связующим звеном между историческими науками и географией², так как рассматривают развитие исторических явлений в тесной связи с их пространственным размещением, географической средой. Сочетание пространственных и временных аспектов при изучении любого историко-этнографического явления обеспечивает более полное раскрытие тех или иных закономерностей. Особенно перспективен здесь метод картографирования пространственно-географических систем, отражающих генетические, временные ряды. Этот путь привел, например, пятьдесят лет тому назад к открытию крупнейшим советским генетиком, ботаником и селекционером Н. И. Вавиловым мировых центров формирования культурных растений.

Картографический метод изучения пространственного размещения, сочетания, взаимосвязей различных общественных и природных явлений теперь широко используется не только в естественно-географических науках, всегда считавших его одним важнейших инструментов исследования, но и в целом ряде общественно-исторических дисциплин, в частности — в этнографии и археологии.

Систематизация и картографирование громадного фактического материала, характеризующего культурно-бытовое разнообразие народов мира в прошлом и настоящем, позволяют исследователям решать широкие региональные и даже глобальные задачи. Нет нужды говорить о боль-

¹ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, А. И. Перший, Актуальные проблемы советской этнографии, «Сов. этнография», 1964, № 4; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967, № 5; Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1.

² С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 12; С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левиц, О предмете и задачах этногеографии, «Сов. этнография», 1963, № 1, стр. 14.

ших успехах в области этнического картографирования народов мира, где советскими исследователями очень удачно применен единый принцип атно-лингвистической классификации, отражающей реальные исторические связи народов и общность их происхождения³.

Более сложна разработка принципов и методики картографирования широкого круга этнографических явлений в области материальной и духовной культуры народов. Между тем эта задача выдвигается теперь на первый план в связи с подготовкой региональных историко-этнографических атласов⁴. В связи с этими работами перед исследователями встает ряд сложных методологических проблем, таких как проблема хозяйственно-культурной типологии, соотношение всего мирового богатства хозяйственно-культурных явлений с конкретными народами и их культурко-этническими подразделениями.

Истоки современных представлений о «хозяйственно-культурных типах» и «историко-этнографических областях» следует искать в географических и этнографических концепциях второй половины XIX в., когда научные исследования стран и народов мира принесли убедительные доказательства справедливости марксистской концепции о единстве человеческой культуры (сочетающейся, однако, с множественностью ее локальных проявлений), идей всеобщности исторических законов развития производительных сил, обуславливающих смену общественно-экономических формаций. Обширный материал свидетельствует о том, что основу общественного производства во второй половине XIX в. еще в значительной степени составляли охота, собирательство, рыболовство, земледелие и скотоводство, т. е. первичные⁵ виды трудовой хозяйственной деятельности, обеспечивающие человечество в основном пищей, отчасти одеждой и жилищем.

Успехи географического изучения мира позволили Э. Хану опубликовать в 1892 г. мировую схематическую карту «Формы экономической деятельности» с ареалами преобладающих занятий: охота и рыболовство; мотыжное земледелие; плантационное земледелие; плужное земледелие; скотоводство; огородничество; мотыжное земледелие со скотоводством; охота и рыболовство со скотоводством; скотоводство с охотой и рыболовством⁶. Э. Хан подверг резкой критике господствующую еще со времен античности трехстадийную схему хозяйственной истории человечества⁷.

Развивая идеи Хана, европейские и американские географы и экономисты опубликовали ряд схематических мировых карт, характеризующих типы хозяйственной деятельности и основные сельскохозяйственные районы мира⁸. Наиболее подробной картой, пожалуй, является карта американца Уайтлиса «Главные земледельческие области земного шара» (1936)⁹. Последняя попытка в этой области — карта, иллюстрирующая труд Грегора «Среда и экономическая жизнь» (1963)¹⁰.

Английский географ Д. Григ весьма убедительно разобрал многие до-

³ См.: С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, «Сов. этнография», 1981, № 5; «Атлас народов мира», М., 1964, и др.

⁴ См.: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1971, № 4, и др.

⁵ Г. Беш, География мирового хозяйства, М., 1966, стр. 7, 21—SO.

⁶ E. Hahn, Die Wirtschaftsformen der Erde, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 38, Taf. 2, 1892, S. 8—12.

⁷ См. подробнее: F. L. Kramer, Eduard Hahn and the end of the three stages of man, «Geographical review», vol. 57, 1967, № 1.

⁸ См. подробнее: D. Grigg, The agricultural regions of the world: review and reflections, «Economic Geography», 1969, vol. 45, № 2, p. 95—132.

⁹ D. Whittlesey, Major agricultural regions of the earth, «Annals of the Association of American Geographers», vol. 26, 1936, p. 199—240.

¹⁰ H. F. Grigg, Environment and economic life, Princeton, 1963.

стоинства и недостатки изложенных схем. Однако он не подчеркнул основного, наиболее крупного недостатка: отсутствия историко-генетического подхода в типологической разработке легенд. Это обуславливает их эмпирический, по существу говоря антиисторический характер.

Более 100 лет назад Э. Тейлор в своем труде «Первобытная культура» (1871) поставил вопрос о закономерностях в развитии культуры и всеобщности прогресса общественных и культурных явлений, эволюционирующих от низших форм к высшим. Большим достижением эволюционистов явился тезис о том, что каждое культурное явление современности может быть до конца понято лишь тогда, когда известны его истоки и основные этапы развития.

Наряду с эволюционным подходом к хозяйственно-культурной истории человечества на рубеже XIX и XX вв. сформировались школа «культурных кругов» и так называемая культурно-историческая школа, которые все хозяйственно-культурное многообразие мира пытались объяснить как результат миграций, диффузий, заимствований и рассматривали все явления культуры изолированно друг от друга, отрывая их от народов. Картографирование, предпринятое сторонниками этих направлений (Л. Фробениусом, Ф. Гребнером, Б. Анкерманном, У. Риверсои, У. Д. Перри, Э. Смитом и др.), несмотря на порочность методологических посылок, способствовало накоплению картографической информации и зарождению идей об историко-этнографических ареалах¹¹.

Пионером в разработке этнографического понятия «историко-этнографический ареал» был видный американский этнограф Ф. Боас. По его инициативе Академия наук Калифорнии опубликовала в 1900 г. карту «Североамериканские культурные ареалы». Ученики Боаса — О. Мэсон, К. Уисслер, В. Х. Холмс, Э. Сэпир разработали довольно сложную систему «культурных ареалов» Нового Света для периода, предшествующего европейской колонизации. Наиболее обстоятельно это было сделано Уисслером¹², который попытался объединить подход американской «исторической школы» с европейскими идеями «культурных кругов» и диффузионизмом¹³. Многие американские этнографы начала XX в. отказались от идей эволюционистов о единстве человеческой истории, представив ее как совокупность прагматических историй отдельных территориальных групп в границах «культурных ареалов»¹⁴.

В первой половине XX в. идеи культурно-бытовой группировки народов мира получили широкое развитие у представителей так называемого экологического направления, («энвайронментализм») в этнографической и археологической науках. Это направление особенно активно развивалось в 20-х годах в Англии, где археологи О. Кроуфорд и К. Фокс широко использовали возможности географического подхода к первобытной и древней истории Британских островов¹⁵. Тейлор очень высоко оценил книгу Фокса, который выявил широкие возможности «распределитель-

¹¹ См.: L. Frobenius, Der Westafrikanische Kulturkreis, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 43, S. 22E—236, 262—267; Bd. 44, S. 193—204, 295—4271.; F. Graebner, Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien, «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, Bd. 37, S. 28—53; B. Ankermann, Kulturkreise und Kulturschichten in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, Bd. 37., S. 54—90.

¹² См.: C. Wissler, The American Indian, New York, 1917; его же, Man and culture, New York, 1923; его же, The relation of Nature to Man, New York, 1926.

¹³ См. Ю. П. Аверкиева, Современные тенденции в развитии этнографии США, «Современная американская этнография, Теоретические направления и тенденции», М., 1963, стр. 11 и сл.

¹⁴ См.: С. П. Толстов, Расизм и теория культурных кругов, «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938, стр. 168.

¹⁵ O. G. S. Crawford, Man and his past, Oxford, 1921; C. F. Fox, The personality of Bmtian. Its influence on inhabitant and invader in prehistoric and early historic times, Cardiff, 1943.

ных карт (distribution maps), являющихся орудием исторического исследования¹⁶.

В европейской этнографии большую известность получила книга английского этнографа Д. Форда «Среда, экономика и общество», выдержавшая с 1934 г. 14 изданий. Развивая идеи Уисслера о том, что главные линии размежевания культур predetermined характером природно-ландшафтных зон¹⁷, Д. Форд отошел от географического детерминизма. Пароды развивающихся неиндустриальных стран он считает возможным отнести к трем широким группам: собиратели, земледельцы и пастухи. Каждая группа характеризуется серией однотипных по структуре описаний среды и хозяйственно-культурных особенностей конкретных народов. Во введении и заключении к работе Д. Форда освещены некоторые общие закономерности развития человеческой культуры с позиций плюрализма.

Плюралистические тенденции отрицания единства исторического процесса развития культуры явственно проявились в трудах американских этнографов М. Херсковица и П. Мэрдока, которые в разное время исследовали «культурные ареалы», африканского континента. Они сгруппировали африканские народы в хозяйственно-культурном плане и сделали попытки проследить историческую динамику «культурных ареалов»¹⁸. Но, пожалуй, самое яркое выражение негативного плюралистическо-релятивистского подхода к объяснению множественности культурных явлений, причин сходства и различий в образе жизни разных народов — в так называемом «этнографическом атласе» П. Мэрдока. Этот американский этнограф, используя большую фактический, но в значительной степени случайный материал, свел его в таблицы для перфокарт. Однако он не смог выявить широкие исторические закономерности в распространении культурных явлений и отразить их на карте.

Принципиально иной подход был предложен советскими этнографами, которые в своем анализе хозяйственно-культурного разнообразия народов мира руководствовались марксистской концепцией единства исторического процесса как на синхронном, так и диахронном уровнях; они стремились объяснить неравномерность социально-экономического и культурного развития человечества конкретными особенностями исторического процесса у различных групп народов¹⁹.

Начало разработки научной концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» в СССР было положено С. П. Толстовым в «Очерках первоначального ислама» (1932) и позднее развернуто в курсе общей этнографии, который он читал на историческом факультете Московского университета. На конкретных материалах по археологии и этнографии Северной Азии эту концепцию успешно развивали многие этнографы и археологи — А. М. Золотарев, А. П. Окладников, С. А. Токарев, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров и др.²⁰. Особенно полно она освещена в совместных работах М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова (1955), которые и послужили основой для дальнейших региональ-

¹⁶ См. рецензию E. Q. R. Taylor, в журн.: «Antiquity», vol. XVIII, № 70, 1944, p. 103.

¹⁷ C. Wissler, Man and culture, New York, 1923, p. 227—232.

¹⁸ M. Herskovits, Economic anthropology, New York, 1952; G. P. Murdock, Africa. Its peoples and their culture history, New York—Toronto—London, 1959.

¹⁹ См.: А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, стр. 11—12; «Единство и многообразие исторического процесса», «Вопросы философии», 1971, № 9, стр. 6—14, и др.

²⁰ С. П. Толстой, Проблемы дородового общества, «Сов. этнография», 1931, III 3—4; его же, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, К вопросу о периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1946, № 1; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11; А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропологический журнал», 1937, № 1; «Обзор прений

ных разработок на материалах Юго-Восточной Азии²¹, Средней Азии²², Вьетнама²³, Индонезии²⁴, Дальнего Востока²⁵, Тувы²⁶, Прибалтики²⁷, Японии²⁸ и других областей земного шара.

Здесь нет необходимости повторять хорошо известные из литературы дефиниции и методологические основы концепции «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей». Следует лишь заметить, что в последние годы концепция в целом получила дальнейшее теоретическое развитие в ряде публикаций. Можно назвать совместную статью Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксарова (1961), где исследованы конкретные хозяйственно-культурные типы Восточной Азии, намечено их генетическое разделение на три основные группы, различающиеся между собой уровнями социально-экономического развития, прослеживается история формирования типов этого региона с древнейших времен до наших дней.

Весьма широко хозяйственно-культурные различия народов всего мира освещены в недавно опубликованной книге «Народы, расы, культуры», где этому сюжету посвящены не только многие страницы текста, но и специальная схематическая карта «Хозяйственно-культурные типы мира

по докладам на совещании по этногенезу народов Севера 28—29 мая 1940 г., «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», IX, 1941, М. Г. Левин. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткий сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947; его же, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М, 1958; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М., 1960; Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. XXIII, М., 1961; Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, «Сов. этнография», 1968; № 2, Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), «Сов. этнография», 1970, № 6; С. И. Вайнштейн, Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии, «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г., Тезисы докладов, Тбилиси, 1971.

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы народов Юго-Восточной Азии, в кн. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 64; Я. В. Чеснов, Традиционные формы хозяйства горных кхмеров Южного Вьетнама, «Сов. этнография», 1966, № 5; его же, О специфике свайных жилищ в Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1965, № 3.

²² Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана, в кн. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I—II, М., 1963.

²³ Мак-Дыонг, Учение о хозяйственно-культурных типах и его роль в решении национального вопроса в ДРВ, Автореф. канд. дис., М., 1970.

²⁴ J. B. Avã, Suggestions for a more practical classification of the ethnic groups of the Republic of Indonesia, «Anniversary contributions to anthropology. Twelve essays», Leiden, 1970, p. 90—123.

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока, «Проблемы истории Дальнего Востока», Владивосток, 1969, стр. 131—146.

²⁶ См.: С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореф. докт. дис. М., 1969.

²⁷ Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1960, № 3; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, «Сов. этнография», 1960, № 3; А. Х. Моора, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1966, С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2.

²⁸ Shiratori Ioshio, A tentative classification of the subsistence types of the minority peoples in South China. «Studies in Archaic Culture of China», 1965, № 1, Tokyo.

в XV в.» (составленная Л. А. Фадеевым и Я. В. Чесновы, при участии авторов книги)²⁹.

Дальнейшая теоретическая разработка проблем «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» теперь позволяет на основе богатейшего этно-географического материала (накопленного, в частности, и советскими этнографами³⁰) поставить вопрос о картографировании культуры и быта народов мира во всем их разнообразии с учетом историко-генетической типологии этих явлений. В связи с этим необходимо сказать о главных принципах выделения и классификации «хозяйственно-культурных типов» на карте, которая здесь публикуется³¹.

Следует напомнить, что речь идет о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, хотя единство типа структурно определяется ведущей отраслью хозяйства, представляющей всегда одну из главных сторон общественного разделения труда. Еще К. Маркс отмечал, что «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств...»³².

Далее К-Маркс проследил под этим углом зрения различные экономические эпохи, в частности он отметил, что главной отраслью производства в античном и феодальных обществах было земледелие³³. Изучение множественности хозяйственно-культурных явлений приводит нас к выводу о том, что главным носителем хозяйственно-культурных типов в докапиталистические эпохи являлось сельское трудящееся население, которое тогда и составляло большинство. Оно и было хранителем хозяйственных и культурных традиций.

Ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной степени определяла важнейшие этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полuosедлый, полукочевой, кочевой и бродячий³⁴. Именно эти определения и выделены в легенде к карте в качестве первого структурного слагаемого характеристики хозяйственно-культурного типа, например: (1) бродячие охотники-собиратели лесов и саванн жаркого пояса; полuosедлые арктические охотники на морского зверя (8); кочевники оленеводы-охотники тундры и лесотундры (15); оседлые пашенные земледельцы жаркого пояса (22) и т. п. (см. карту).

I

Изучение хозяйственно-культурных типов показало, что они в своем развитии тесно связаны с географической средой³⁵. Наиболее ярко эта зависимость может быть прослежена в размещении различных форм сельскохозяйственного производства, главная особенность которого заключается в утилизации солнечной энергии, превращении кинетической

²⁹ См.: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 172.

³⁰ См.: «Народы мира», Этнографические очерки, Под общей редакцией чл.-кор. АН СССР С. П. Толстова, М., 1954—1966; «Очерки общей этнографии», М., 1967—1969; С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958; «Атлас народов мира», М., 1964, и др.

³¹ В данной статье мы сознательно пока оставляем в стороне более сложную и в то же время более широкую этнографическую категорию «историко-этнографическая», или «историко-культурная область». См. также: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 215 и сл.

³² С Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 733.

³³ Там же.

³⁴ Нерегулярные миграции собирателей-охотников бушменов или австралийцев резко отличаются, например, от строгих сезонных передвижений бедуинов-арабов. Их образ жизни лучше всего ассоциируется с определением «бродячий», который в «Словаре синонимов русского языка» (т. I, 1970), определяется, как «переходящий из одного места в другое для выполнения своей профессиональной работы».

³⁵ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 4; С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, стр. 19, 20; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), стр. 20, 24.

энергии солнца в потенциальную энергию органических веществ. Отсюда: тесная зависимость возможных пищевых ресурсов от периодического закона географической зональности (годового радиационного баланса земной поверхности, суммы атмосферных осадков и радиационного индекса сухости), определяющего все разнообразие природных комплексов (ландшафтов) от географических поясов до фаций³⁶. На основе стройной: теории физико-географических процессов и учения о ландшафтной оболочке была создана схема агроклиматического районирования мира, определены пояса и подпояса³⁷, которые и были учтены при выделении хозяйственно-культурных типов.

Современное хозяйственно-культурное многообразие — результат исторического развития хозяйственно-культурных типов в конкретных географических условиях.

Хозяйственно-культурные типы и природные комплексы находятся в сложных балансовых корреляционных связях, поскольку в природных сообществах — биоценозах — существуют определенные структурные, биотические отношения, которые человек своей хозяйственной деятельностью нарушает и видоизменяет, причем темпы использования человеком природных ресурсов стремительно возрастают. В каждый исторический период влияние общества на природу было ограничено степенью познания законов природы и обусловлено уровнем развития техники, что определялось развитием производительных сил и законами общественного прогресса. В свою очередь зависимость хозяйственно-культурных типов от экологических условий была всегда и всюду опосредствована способом производства и уровнем социально-экономического развития каждого народа.

Хозяйственно-культурные типы несомненно принадлежат к категории общественных явлений, и, как все другие общественные явления, проходят определенные ступени исторического развития. Возникновение древнейших типов связано с формированием самого человека, человеческого общества³⁸. Независимо от того, где располагалась прародина человечества, т. е. область превращения наших антропоидных предков, первых представителей семейства гоминид, они уже изготовляли орудия труда, умели, вероятно, использовать огонь, имели какую-то общественную организацию. В процессе коллективного труда ими развивалась материальная и духовная культура, которая представляла собой специфическую для гоминид искусственную среду и форму взаимодействия развивающегося человеческого общества с природой.

Хозяйство этих архантропов было очень примитивным, присваивающим и в то же время комплексным; главную роль в нем, несомненно, играла охота на различных крупных животных, наряду с ней определенное значение имело и собирательство. Таким образом, популяции древнейших гоминид, обитавшие в сравнительно однородных экологических условиях, в начале раннего палеолита должны были принадлежать к одному хозяйственно-культурному типу бродячих охотников и собирателей жаркого пояса.

²⁶ См.: А. А. Григорьев, Закономерности строения и развития географической среды. Избранные теоретические работы, М., 1966; А. А. Григорьев, М. И. Будыко, О периодическом законе географической зональности, «Доклады АН СССР», т. ПО, № 1, 1956; С. В. Калесник, Общие географические закономерности земли, М., 1970, стр. 119.

³⁷ Д. И. Шашко, Агроклиматическое районирование СССР, М., 1967, стр. 204.

³⁸ Положение о тесной взаимосвязи всего процесса антропогенеза с началом формирования хозяйственно-культурных типов (выдвинутое в свое время С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым) в некоторых последних этнографических работах было заменено без каких-либо критических обоснований тезисом о том, что «основной толчок» формированию хозяйственно-культурных типов дало «обособление земледельческого и скотоводческого хозяйства», т. е. первое крупное общественное разделение труда. См.: Я. В. Чесяов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов, стр. 24; В. Ф. Генинг, Этнический процесс Р первобытности, Учебное пособие, Свердловск, 1970, стр. 92 и сл.

На всем протяжении раннего и среднего палеолита территория первобытной эйкумены непрерывно расширялась и к концу этого периода, примерно 50—40 тыс. лет назад, охватывала всю Африку, большую часть Евразии, кроме высокоширотных арктических областей, высокогорий и океанических островов. Нет сомнения, что архантропы и их непосредственные потомки — палеоантропы, расселяясь по поверхности земной суши и попадая в различные экологические условия, постепенно приобретали различные навыки охоты и собирательства и создавали различные формы орудий труда, виды жилищ, одежды, утвари и других элементов материальной культуры. Все они оставались бродячими охотниками и собирателями, в то же время образовывали различные конкретные хозяйственно-культурные типы и подтипы, находившиеся в большой зависимости от зональных природно-ландшафтных условий³⁹. Нельзя себе представить, например, что хозяйственные навыки и образ жизни, культурные особенности обитателей предледниковых степей Евразии, горных долин Передней Азии, полупустынных и степных территорий умеренного и теплого поясов и влажнотропических лесов жаркого пояса были абсолютно идентичными. В хозяйственно-культурной дифференциации населения мира известную роль сыграло также разнообразие природных ресурсов, в частности характер материалов для изготовления орудий труда, которыми располагали разные группы архантропов и палеоантропов. Этим можно, в известной степени, объяснить, например, преобладание кремневых ручных рубил в Западной части первобытной эйкумены Старого Света и галечных орудий типа чопперов в Восточной части.

На рубеже среднего и позднего палеолита завершается процесс сапиентации древних гоминид, происходивший, вероятно, на широкой территории, которая охватывала если не всю, то значительную часть первобытной эйкумены и, по мнению многих антропологов, включала несколько очагов (скорее всего два) формирования человека современного вида *homo sapiens*, частично, хотя и не полностью, изолированных друг от друга⁴⁰.

В позднем палеолите довольно четко прослеживаются хозяйственно-культурные различия обитателей основных поясов земной суши. Так, для приледниковой степной области Европы и Северной Америки были характерны полуоседлые охотники на крупных животных. Об известной оседлости их свидетельствуют замечательные находки на Украине многочисленных остатков круглых (напоминающих ярангу) позднепалеолитических жилищ из костей, черепов и бивней мамонтов (этой «живой кладовой мяса»)⁴¹.

В более южных засушливых степных и отчасти приморских областях умеренного и теплого поясов преобладала охота на более мелких животных, значительную роль играли собирательство (съедобных злаков, моллюсков на берегах водоемов и т. п.) и отчасти рыболовство. Именно здесь позднее, на рубеже верхнего палеолита и мезолита, началась хозяйственно-культурная дифференциация с выделением оседлых и полуоседлых приморских собирателей и рыболовов, с одной стороны, и подвижных охотников на степных животных и крупных птиц — с другой⁴².

Для влажнотропических лесов и саванн жаркого пояса была характерна стабильность хозяйственно-культурных традиций на протяжении

³⁹ См.: П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, Киев, 1953, стр. 346; Ю. И. Семенов, *Как возникло человечество*, М., 1966, стр. 320 и сл.; С. А. Семенов, *Развитие техники в каменном веке*, Л., 1968, стр. 281 и сл.

⁴⁰ В. П. Алексеев, *О первичной дифференциации человечества на расы*. Первичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 1; его же, *О первичной дифференциации человечества на расы*. Вторичные очаги расообразования, «Сов. этнография», 1969, № 6; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, *Указ. раб.*

⁴¹ И. Г. Пидопличко, *Позднепалеолитическое жилище из костей мамонта на Украине*, Киев, 1969.

⁴² С. П. Толстов, *Очерки первоначального ислама*, стр. 31.

нескольких десятков тысяч лет. Так, в центре африканского континента просуществовала от 50 до 10 тысяч лет назад почти без изменений верхнепалеолитическая культура «санга», с которой связывают формирование хозяйственно-культурного типа охотников и собирателей жаркого пояса.

Археологические исследования в горных областях теплого пояса, в частности материалы пещерной стоянки Шанидар, наиболее детально освещают хронологию позднего антропогенеза Передней Азии и последовательную смену культурных горизонтов и хозяйственных навыков обитателей на протяжении почти 100 тысяч лет. Выявленный в ходе исследований переход населения от охоты на крупных животных к охоте на самую разнообразную дичь и широкому собирательству был даже назван археологом К. Фланнери «революцией широкого спектра» («broad spectrum revolution»), которая, по его мнению, и подготовила переход к «продвинутому хозяйству» именно в этом регионе⁴³.

В период мезолита наиболее быстро развиваются некоторые приморские территории, где береговое собирательство, охота и рыболовство в связи с оседанием на землю, создают базу для более быстрого хозяйственного и культурного прогресса. В Северной Африке к этому хозяйственно-культурному типу относилась, например, капсийская культура (с характерными раковинными кучами), в Южной Африке — вильтон и др. Десять тысяч лет назад в Передней Азии выделилась зона («полумесяц плодородных земель»), где начался историко-культурный переход (называемый некоторыми «неолитической революцией») от собирания дикорастущих злаков к их искусственному выращиванию и от охоты за дикими животными к их приручению⁴⁴. Первоначально более отсталые по сравнению с полуоседлыми рыболовами и собирателями морских побережий бродячие охотники континентальных сухих предгорий теплого Бояса (с очагами дикорастущих злаков в плодородных долинах) с внедрением элементов земледелия быстро прогрессируют.

Современные исследователи, следуя заветам А. Декандоля, отдававшего предпочтение археологическим данным, уже приблизились к решению вопроса о времени и месте зарождения земледельческой деятельности и скотоводства. Н. И. Вавилов и его ученики разработали теорию основных очагов (центров) происхождения большинства культурных растений⁴⁵. Современные палеоэтноботаники (Г. Хельбек, В. Ван Цейст, Р. Макнейш и др.) сумели уточнить географию древнейших очагов земледелия и археологически документировать все стадии перехода от мустьерских «охотников», мезолитических «собирателей урожая» до ранних неолитических земледельцев и скотоводов.

На мировой карте выделился целый ряд древнейших очагов: переднеазиатский и восточно-средиземноморский (VIII—VI тыс. до н.э.); индо-китайский (VII—VI тыс. до н.э.), ирано-среднеазиатский (VI—V тыс. до н.э.), нильский (V—IV тыс. до н.э.), индийский (IV—II тыс. до н.э.), индонезийский, китайский, мезоамериканский и перуанский (III—I тыс. до н.э.)⁴⁶.

⁴³ K. V. Flannery, *Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East*, «The domestication and exploitation of plants and animals», London, 1969, p. 73-400.

⁴⁴ См. подробнее: Г. Ч ай л д, *Прогресс и археология*, М., 1949.

⁴⁵ П. М. Жуковский, *Мировой генофонд растений для селекции, мегацентры и эндемичные микрогенцентры*, Л., 1970. D. R. Harris, *New light on plant domestication and the origins of agriculture: a review*, «Geographical Review», vol. 57, № 1, 1967.

⁴⁶ Б. В. Андрианов, *Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования*, «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 16—25; его же, *Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия)*, М., 1969, стр. 44, рис. 12.

В кажфм из перечисленных очагов началась смена традиционных хозяйственно-культурных типов бродячих охотников и собирателей типами оседлых и полuosедлых земледельцев и скотоводов, развивались процессы приспособления местных природных ресурсов для нужд сельского хозяйства. Возникнув одновременно с земледелием, скотоводство развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него⁴⁷. Огромную роль во всемирно-историческом процессе сыграло первое крупное разделение труда и развитие орошаемого земледелия, на что неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс⁴⁸. В засушливой зоне теплого и жаркого поясов с незначительным количеством осадков,, где разведение культурных растений возможно только благодаря ирригации, создание и поддержание оросительных систем стало важнейшей отраслью общественного производства. С переносом центров земледельческой деятельности в бассейны крупных рек образовалась более широкая база для экономического прогресса, достижения более высокой стадии развития производительных сил и социальной организации. Первые попытки регулирования паводков крупнейших рек на Древнем Востоке в целях орошения и сооружение мощных оросительных систем были тесно связаны с возникновением централизованных государственных образований (древние Месопотамия и Египет, несколько позднее — область бассейна Инда, еще позднее — область бассейна Хуанхэ)⁴⁹.

Примерно в то же время в более южных влажно-тропических областях развивались хозяйственно-культурные типы, основанные на возделывании различных корнеплодов, клубнеплодов, бананов, некоторых видов пальм и других тропических культур. На рубеже III и II тысячелетий во влажных субтропиках Южной и Юго-Восточной Азии стала широко распространяться культура риса (сначала богарного, позднее — заливного), на базе которой позднее сложились здесь разнообразные хозяйственно-культурные подтипы оседлых земледельцев жаркого пояса. Так, развитие орошаемого и неорошаемого земледелия в разных ландшафтных зонах и историко-культурных областях Старого и Нового Света способствовало дальнейшей дифференциации хозяйственно-культурных типов, увеличивало неравномерность исторического развития отдельных историко-культурных областей. Особенно значительным был прогресс в зоне пашенного земледелия, которое с использованием при сельскохозяйственных работах тягловой силы домашних животных явилось как бы своего рода синтезом древнего ручного (палочно-мотыжного земледелия и животноводства). Здесь следует, однако, отметить,, что вопрос о древнейших центрах зарождения пашенного земледелия • до сих пор окончательно не решен⁵⁰.

Открытие железа к концу II тысячелетия до н. э. («эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» по Ф. Энгельсу), а главное — применение железа при изготовлении пахотных орудий резко расширило зону пашенного земледелия и в то же время способствовало дальнейшей специализации скотоводства в обширнейшей зоне полупу-

⁴⁷ Б. Б. Пиотровский. О характере закономерностей в истории культуры, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, в 1960 г.», М., 1961, стр. 18, 19.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 132; т. 20, стр. 152, 183—185, 188, 500; т. 28, стр. 221, и др.

⁴⁹ Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, стр. 32.

⁵⁰ Большинство фактических данных говорит о том, что впервые этот синтез был, вероятно, осуществлен в Древнем Двуречье на рубеже IV и III тысячелетий. Видимо, правы П. Лезер и А. А. Стеенсберг, которые связывают происхождение пахотных орудий в Месопотамии с применением ручных мотыг-лопат для проведения оросительных борозд. См. А. Steensberg, A Bronze Age Ard — Type from Hama in Syria intended for rope-traction, «Berytus», vol. XV, 1964; его же, Tools and man, «Man and his habitat», London, 1969, p. 62—78.

стынь и степей Евразии. Именно здесь на рубеже II и I тысячелетий до н. э. начался переход от комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству⁵¹. Формирование и быстрое распространение по огромной зоне Евразийских степей в I тысячелетии н. э. хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников и вызвало, вероятно, «цепную реакцию» в «великом переселении народов».

Миграции кочевников не только оказали влияние на исторические судьбы древнеземледельческих цивилизаций, но и способствовали хозяйственным и культурным изменениям среди периферийных охотников и собирателей Евразии. Так, под влиянием коневодства в Центральной Азии (на Саянском нагорье) возник очаг разведения оленей, и оленеводство стало проникать в зону пеших охотников Северной Азии⁵².

В то время как в Европе неполивное пашенное земледелие, прошло ряд этапов эволюции систем земледелия (залежная, трехполье и плодосменная), на периферии Старого Света и в Новом Свете — в экологических условиях экваториальных лесов, тропических полупустынь, таежных лесов и арктических тундр и побережий — продолжали сохраняться вплоть до начала XX в. исторические условия для существования присваивающих форм хозяйства и соответствующих первобытнообщинных институтов⁵³.

Таковы лишь очень общие черты сложнейшего процесса хозяйственно-культурной дифференциации человечества — путей образования хозяйственно-культурных типов.

Общая хозяйственно-культурная картина мира в новое время сильно усложнилась. Значительную роль в этом сыграла и искусственная задержка развития ряда народов в результате превращения их в объект колониальной эксплуатации. Под влиянием европейской колонизации в ряде районов мира стали исчезать многие архайческие типы, а в некоторых областях сложились новые (такие, например, как конные охотники на бизонов и гуанако в Америке). Целый ряд народов (тасманийцы, огнеземельцы и др.) подвергся полному или почти полному физическому истреблению, вместе с ними исчезли и характерные для этих народов хозяйственно-культурные типы. Для выявления полной картины развития хозяйственно-культурных типов во времени и их распространения и динамики в пространстве чрезвычайно важно составить карты их размещения в разные периоды истории, начиная от эпохи первоначального расселения человека на земле и по настоящее время. Но совершенно ясно, что такая работа потребует очень много труда и времени. Она может быть выполнена только последовательными этапами. В качестве первого этапа нами избран синхронный «срез» рубежа XIX и XX вв. К этому времени относится громадное количество полевых этнографических материалов, характеризующих подавляющее большинство народов мира. Степень нарушенное™ традиционных форм хозяйства и быта сельского населения развивающихся и отчасти развитых стран еще была не столь значительна. Вплоть до начала XX в. сохранялись реликты многих древнейших хозяйственно-культурных типов,

⁵¹ Н. von Wissman, On the role of Nature and Man in changing the face of the dry belt of Asia, «Man's role in changing the face of the Earth», Chicago, 1956, p. 278—303; «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», Berlin, 1968; Б. В. Андрианов, Э. М. Мурзаев, Некоторые проблемы этнографии аридной зоны, «Сов. этнография», 1964, № 4; Т. А. Жданко, Номализм в Средней Азии и Казахстане, «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968; А. И. Першип., Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время, Автореф. докт. дис., М., 1971.

⁵² См.: С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, «Сов. этнография», 1970, № 6; 1971, № 5.

⁵³ С. П. Тоletод, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, стр. 21.

таких, например, как калифорнийские собиратели, бродячие охотники-собиратели Амазонии, полуоседлые арктические охотники на морского зверя и т. д.

Все это хозяйственно-культурное многообразие, как бы отражающее многотысячелетнюю историю, сведено на предлагаемой карте к трем десяткам типов, которые объединены в восемь групп, различающихся: друг от друга все более и более высокой производительностью труда и нарастающей величиной прибавочного продукта, а следовательно, и; уровнем социально-экономического развития, характером всего образа жизни и культуры⁵⁴.

В первую группу входят типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, что соответствует самой древней стадии хозяйственной истории человечества. Эта стадия условно называется «присваивающей», хотя трудовая деятельность людей — охотников, собирателей и рыболовов, конечно, не ограничивалась простым «присвоением», а включала ряд довольно сложных моментов как в организации труда, так и в переработке продукции, требующей разнообразных технических навыков. К этой, в значительной мере исчезающей в начале XX в. группе хозяйственно-культурных типов [1]⁵⁵ следует отнести отдельные группы бродячих охотников-собирателей Африки (пигмеи итури, хадзапи и др.), Азии (пунаны, отчасти аэта, кубу и др.)^{*} Америки (сириано, ленгуа и др.); охотников и рыболовов тайги и тундры [3] (северные атапаски в Америке, пешие эвенки, юагиры в Азии); полуоседлых собирателей рыболовов морских побережий (андаманцы в Азии, алакалуфы в Южной Америке) [5]; арктических охотников на морского зверя (эскимосы, береговые чукчи и коряки) [8] и др. На рубеже XIX и XX вв. в Сибири и на севере Северной Америки один из древнейших хозяйственно-культурных типов таежных охотников на мясного зверя и рыболовов приобрел своеобразный промысловый характер благодаря торговле и спросу на северные меха на международных рынках; образовался особый, как мы называем, «трансформированный» тип охотников на пушного зверя тайги [9].

Следующая широкая группа объединяет хозяйственно-культурные типы с «производящей экономикой, основанной на ручном труде»: это скотоводческие (II), земледельческие (III) и земледельческо-скотоводческие (IV) типы. «Скотоводческая» группа хозяйственно-культурных типов включает в жарком поясе: кочевников-скотоводов-охотников (готтентоты, гереро в Африке) [10], полуоседлых и полукочевых скотоводов-земледельцев (нуэр, динка и др. — в Африке, чамы — в Азии) [11]. В зонах тайги и тундры к этой группе могут быть отнесены полуоседлые скотоводы-охотники (якуты) [13], оленеводы-охотники (эвенки, коряки оленные, отчасти ханты и манси; кеты) [14], кочевники оленеводы-охотники (чукчи оленные, ненцы и др.) [15]⁵⁶.

В жарком поясе сохранились земледельческие хозяйственно-культурные типы, с охотой, собирательством и рыболовством, без скотоводства или с незначительно развитым скотоводством. К ним относятся полуоседлые ручные или палочно-мотыжные земледельцы-охотники тропических лесов и саванн Африки (монго, азанде и др.), Америки (уитото, пано и др.) и Азии (сенои) [16]. Особую группу образуют земледельцы-

⁵⁴ См. также: Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 171 и ел.

⁵⁵ В квадратных скобках — номера хозяйственно-культурных типов в легенде публикуемой карты.

⁵⁶ Рамки журнальной статьи не позволяют авторам дать детальное источниковедческое обоснование каждому из выделенных на карте хозяйственно-культурных типов. Конкретный материал содержится в упомянутых в тексте многочисленных работах и, особенно, в коллективных трудах Института этнографии АН СССР — «Очерки общей этнографии» и «Народы мира».

рыболовы океанических островов и побережий (микронезийцы, коморцы) [17].

Земледельческо-скотоводческие хозяйственно-культурные типы представлены довольно широко в жарком поясе Африки, Азии и Америки целым рядом разнообразных типов и подтипов. Их объединяет культивирование главным образом клубнеплодов и корнеплодов (ямс, таро, батат и др.), местами суходольного риса, а также банана, различного вида пальм и т. п., употребление мотыг и палки для сажания; преобладающая роль женского труда в сельском хозяйстве; домашние животные — собаки или свиньи и домашняя птица; оседлые каркасно-столбовые жилища прямоугольного и круглого плана, и т. д. Существует целый ряд хозяйственных подтипов: с тропическим переложным земледелием (*shifting agriculture*) — «читемене» в Африке, «мильпа» у индейцев Центральной Америки, «ладанг» среди юго-восточноазиатских народов [18, а], с тропическим интенсивным орошаемым и неорошаемым земледелием на каменных террасах, с заливым рисом [18, б] и т. п.; весьма своеобразны формы хозяйства и культуры среди оседлых ручных земледельцев аридной зоны с орошаемым примитивным земледелием (хопи, пима и папаго — в Америке, тубу, загава — Африке) [19]. Еще в начале XIX в. европейцы застали ручных земледельцев-охотников в лесах умеренной зоны Америки [20].

Развитые хозяйственно-культурные типы с преобладанием в хозяйственной деятельности пашенного земледелия также могут быть сгруппированы по основным ландшафтным поясам. Это оседлые пашенные земледельцы жаркого пояса, с целым рядом подтипов (тропическим переложным и интенсивным орошаемым и неорошаемым земледелием), среди многих народов Южной Азии (бхилы, малаяли и др.), Америки (гвианцы), Африки (амхара) [21, а] и т. д.; на приморских речных дельтах («савах») [21, б] и т. д. К особому типу следует отнести оседлых пашенных земледельцев и скотоводов аридной зоны с искусственным орошением (арабские народы, иранцы и др.) [22]. В теплом поясе тип пашенных земледельцев может быть подразделен на подтипы: западный: (с развитым огородничеством и садоводством, например, у болгар, молдаван) и восточный (у китайцев) [23, а, б]. В горных районах этот тип пашенных земледельцев отличается более высоким удельным весом в хозяйстве скотоводства (преимущественно в пастушеской форме) и целым рядом специфических черт материальной культуры, присущей горцам (преобладает у народов Кавказа, Передней, Средней и отчасти Центральной Азии — аварцев, афганцев, таджиков, кашмирцев и т. п.) [23, в].

В умеренном поясе в широкой зоне лесов и лесостепей преобладает хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев с большим количеством подтипов и модификаций в различных социально-исторических и ландшафтно-географических условиях [24]. В первой половине XX в. к нему принадлежало большинство сельского населения умеренного пояса Европы, стран Азии и Северной Америки.

В аридных полупустынных и степных областях Евразии сохранялись в это время подвижные формы кочевого высокоспециализированного скотоводства — от монголов на востоке до кочевых арабов и берберов Сахары на западе. Кочевой образ жизни наложил глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Можно говорить о существовании нескольких локальных вариантов; в пустынях и саваннах жаркого и теплого пояса (бгджа, сомали и др.) [25, а]; в сухих предгорьях (белуджи, бактиары и др.) [25, в]; в пустынях и степях умеренного пояса (монголы, казахи и др.) [26, а], на высокогорных плато (тибетцы) [26, в] и т. п.

В начале XX в. в ряде стран Европы и Америки преобразование традиционных форм ведения сельского хозяйства зашло настолько далеко, что на месте прежних хозяйственно-культурных типов стали склады-

ваться новые зональные комплексы экономического и бытового характера благодаря механизации, росту промышленного производства и городов.

В середине XX в.— в эпоху научно-технической революции — значение в общественном производстве хозяйственно-культурных типов быстро уменьшается и сокращается ареал их распространения. Однако и теперь еще свыше 1,3 миллиарда людей ведут полунатуральное аграрное хозяйство и так или иначе связаны с традиционными хозяйственно-культурными типами.

Созданное советскими этнографами учение о «хозяйственно-культурных типах» позволяет не только полнее осветить историю хозяйственной деятельности и культуры народов мира в разных природных зонах, но и установить исторические корни сходства и различий в образе их жизни, выявить на основе системного подхода общие и частные закономерности во всем культурно-бытовом многообразии человечества, в тесной связи с пространственным размещением и с географической средой. Предлагаемая работа представляет собой лишь первый опыт конкретного историко-географического изучения и картографирования хозяйственно-культурных типов мира. Сопоставление публикуемой карты рубежа XIX и XX вв. с вышеупомянутой схематической картой XV в. может дать известное представление о динамике многих типов на протяжении последних пяти столетий. Однако необходимо идти дальше, развивая картографирование как по направлению к современности, так и вглубь веков. Все это потребует углубленной проработки, с одной стороны, археологических и этнографических материалов, данных письменных источников, характеризующих культуру и хозяйство народов различных эпох, а также статистико-экономических и эконом-географических данных, относящихся к нашему веку.

ECONOMIC-CULTURAL TYPES AND PROBLEMS OF MAPPING THEM

(AT THE TURN OF THE XX CENTURY)

The concept of economic-cultural types and historic-cultural or historic-ethnographical regions elaborated by Soviet ethnographers has permitted them to elucidate more fully the history of economic activity and culture among peoples of the world inhabiting different natural zones and also, by implementing the system approach, to ascertain the historical origins of the resemblances and differences in their way of life, to bring to light the general laws and particular regularities governing their evolution in close connection with their spatial distribution — with the geographical environment.

Economic-cultural types belong to the category of social phenomena, and like all other social phenomena they pass through certain stages of historical evolution.

In the map, all the multifarious peoples of the world at the turn of the XX century are classified into eight groups of economic-cultural types. The first group includes types in whose economy hunting, gathering, and, partially, fishing are predominant; this corresponds to the earliest stage of the economic history of mankind. The next groups comprise types with a «producing» economy based upon labour done by hand (II — animal husbandry; III — agriculture; IV—agriculture and animal husbandry). The fifth group includes highly developed economic-cultural types with tillage agriculture; the sixth group is formed by mixed animal husbandry and agriculture types, the seventh — by transformed economic-cultural types. A special conventional sign on the map distinguishes, regions of a highly developed market agriculture and animal husbandry and also regions where urban industrial population is predominant.